

А.Б. Ларин

**«ГРЕШНО ОДНОГО И ТОГО ЖЕ ЧЕЛОВЕКА ОСТАВЛЯТЬ ДОЛГО
В ЭТОМ ГЛУПОМ И СКУЧНОМ МЕСТЕ»:
ОБ ОДНОМ ПОВСЕДНЕВНОМ ФАКТОРЕ ЖИЗНИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ В ИРАНЕ
В XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

Аннотация. Статья посвящена влиянию фактора скуки на жизнь и деятельность российских дипломатов в Иране в середине XIX – начале XX в. Отмечается, что многие из чиновников МИД России, служившие в Иране, остро переживали чувства одиночества, тоски и скуки. Оказавшимся вдали от центров европейской цивилизации российским дипломатам часто было сложно перестроиться и воспринять новый стиль и ритм жизни. Образованные, культурные люди, привыкшие к определенным формам этикета, активной светской жизни, с трудом воспринимали реалии чуждого общества и культуры. При этом, если в столичном Тегеране, где существовала значительная европейская колония, проблема организации досуга не стояла столь остро, то в отдаленных и малонаселенных местностях проблема проявлялась максимально.

Важным следствием нехватки общения с людьми близкой культуры было повышенное внимание европейцев друг к другу, стремление сблизиться безотносительно тех разногласий и трений, что существовали между конкурирующими державами, в первую очередь с Россией и Британией. Отсутствие европейского общества в отдаленных районах Ирана переживалось крайне тяжело и подталкивало русских и англичан к общению и совместному времяпрепровождению. В то же время в тех случаях, когда представителям конкурирующих держав не удавалось выстроить хороших и конструктивных личных отношений, скука и вынужденное сосуществование на одной территории с представителями геополитического противника создавали почву для появления весьма странных форм взаимодействия между русскими и британцами.

Показано, что психологические затруднения, с которыми сталкивались дипломаты, вполне осознавались и в Петербурге, отдававшим отчет в непривлекательности назначений в Иран для многих чиновников МИДа. Ведомство учитывало особенности пребывания в Иране в своей кадровой политике, принимало во внимание гуманитарные соображения во взаимодействии с сотрудниками.

Ключевые слова: Россия; Британия; Иран; Европа; европейцы; дипломаты; скука.

Ларин Андрей Борисович – кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института всеобщей истории РАН,
Россия, Москва. E-mail: ab-larin@mail.ru
Web of Science Researcher ID: Q-5730–2017

**Larin A.B. «It Is a Sin to Leave One and the Same Person for a Long Time
in this Stupid and Boring Place»: About One Everyday Factor in Life and
Activities of Russian Diplomats in Iran in the XIX – Early XX Century**

***Abstract.** The article examines the influence of the factor of boredom on the life and activities of Russian diplomats in Iran in the mid-XIX – early XX centuries. A lot of officials of the Imperial Ministry of Foreign Affairs who served in Iran acutely experienced feelings of loneliness, melancholy and boredom. For the Russian diplomats who found themselves far from the centers of European civilization it was often difficult to adapt to a new way of life. Educated people, accustomed to the certain forms of etiquette and active social life, had a hard time accepting the realities of an alien society and culture. However, if in Tehran the problem of organizing leisure activities was not so acute, since there was a significant European colony there, in remote and sparsely populated areas it was quite a difficult case.*

An important consequence of the lack of communication with people of the same culture was a greater attention of Europeans to each other, the desire to get closer regardless of the differences and tensions that existed between the competing Powers, first of all – between Russia and Britain.

The absence of European society in remote areas of Iran was a hard experience and motivated the Russians and the British to communicate and spend time together. At the same time, if the representatives of competing Powers failed to create good and constructive personal relations, boredom and coexistence on the same territory with representatives of a geopolitical rival created the ground for the emergence of very strange forms of interaction between the Russians and the British. The craving for entertainment and escape from the tedious boredom, combined with the struggle of Powers and political competition, influencing the forms of the latter.

The psychological difficulties, faced by Russian diplomats, were recognized in St. Petersburg, which was aware about the unattractiveness of the appointments to Iran for many of them. In its policy, the Ministry took into account the peculiar circumstances of their service in Iran and was quite thoughtful about the humanitarian considerations in its interaction with the staff.

Keywords: Russia; Britain; Iran; Europe; Europeans; diplomats; boredom.

Larin Andrey Borisovich – Candidate of Historical Sciences,
Research Fellow, Institute of World History, RAS,
Russia, Moscow. E-mail: ab-larin@mail.ru
Web of Science Researcher ID: Q-5730–2017

Фауст
Мне скучно, бес.
Мефистофель
Что делать, Фауст?
Таков вам положен предел...
А.С. Пушкин

К числу человеческих переживаний, определенно не вызывающих приятных ассоциаций, относится скука – «деятельное безделие», в соответствии с метким определением Канта. И, разумеется, это одно из тех переживаний, с которым так или иначе сталкивается всякий человек в своей жизни. Одна из характерных черт современного постиндустриального общества – общества потребления – стремление всячески избегать состояния и ощущения скуки, интенция на ее изгнание из структуры повседневности. Монструозная индустрия развлечений, расцвет путешествий и туризма, бурное развитие компьютерных игр и виртуальной реальности, в целом консьюмеризм как стиль жизни будто бы пытаются решить задачу избавить людей развитого мира от переживания скуки как такового. В 2020 г., когда мир неожиданно столкнулся с угрозами, вызванными пандемией нового коронавируса, и человечество обнаружило себя запертым по домам, оторванным от привычных удовольствий и развлечений, стало ясно, что поведение людей в таких обстоятельствах меняется, и порой весьма значительно. В этом смысле представляет интерес вопрос о том, как переживание скуки влияло на поведенческие практики в другие эпохи.

Скука как неизбежный спутник человеческого бытия издавна занимает умы людей. Проблемам переживания скуки, тоски, хандры, сплина уделяли внимание философы, писатели, поэты, художники. Так, к этой проблематике обращался Иммануил Кант [Об осмыслении Кантом феномена скуки и деятельности как способа ее преодоления см.: Королькова 2017]. Сам он считал средством избавления от скуки деятельность, притом такую, которая захватывает человека в единстве всех его способностей, позволяет ему самоактуализироваться. Надо полагать, что к рекомендациям кёнигсбергского затворника в этом вопросе имеет смысл прислушаться и нам, ставшими затворниками поневоле. По мере дифференциации социально-гуманитарных наук в последние столетия росло и разнообразие подходов, в рамках которых исследователи обращались к изучению скуки. Беглый взгляд на первую страницу выдачи *e-library* по запросу «скука» демонстрирует, что в настоящую эпоху осмыслением данного феномена ученые занимаются в рамках философии [см., напр.: Аригунова 2010; Аригунова 2013; Свендсен 2007], психологии [см., напр.: Курочкин 2008; Рохина, Посохова 2017; Сунцова 2018], филологии [см., напр.: Леденёва, Цзян Юань 2018; Маханова 2015; Маханова 2016; Сороченко 2003], истории, антропологии и культурологии [см., напр.: Бабаева 2010;

Позняк 2015; Седанкина 2015; Чеснокова 2019] и т.д. Как видим, анализ скуки как явления человеческой жизни представляется многим исследователям занятием вовсе не утомительным, а вполне актуальным и любопытным.

Не претендуя на общефилософское осмысление означенного феномена, попытаемся представить на некотором конкретно-историческом материале один из аспектов скуки, как постоянно присутствующего в жизни человека явления, а также ее влияние на эту жизнь. В фокусе нашего внимания будет влияние фактора скуки на повседневную жизнь российских дипломатов позднеимперской эпохи в странах Востока, а именно – в Каджарском Иране. Многочисленные источники, в первую очередь личного происхождения, но также и дипломатическая переписка, публицистика и проч., дают любопытный материал, позволяющий поставить вопрос о скуке как факторе влияния на политику России (как, впрочем, и Британии) в Иране середины XIX – начала XX в. В условиях геополитического противостояния двух европейских империй скука, будучи фактором общечеловеческим, с одной стороны, должна была содействовать сближению (на повседневном уровне) представителей России и Британии, с другой – влиять на формы их конкуренции.

Согласно толковому словарю живого великорусского языка В.И. Даля, более чем релевантного для рассматриваемой эпохи, скука есть «тягостное чувство, от косного, праздного, недейтельного состояния души; томление бездействия». Это определение вполне подходит для описания той ситуации, с которой сталкивались многие русские дипломаты на службе в стране Льва и Солнца. Оказавшимся вдали от центров европейской цивилизации российским дипломатам часто было сложно перестроиться и воспринять новый стиль и ритм жизни, принятые в Иране Каджаров. Образованные, культурные люди, привыкшие к определенным формам этикета, активной светской жизни у себя на родине и вообще в Европе, с трудом воспринимали реалии чуждого общества и культуры. И если в столице страны – Тегеране – вопрос организации повседневной жизни и интересного времяпрепровождения в свободные от служебных обязанностей часы не стоял так остро, поскольку здесь присутствовала значительная европейская колония, то в более отдаленных и малонаселенных местностях проблема организации досуга вставала в полный рост.

Писатель и путешественник П.И. Огородников, посетивший Иран в 1870-е годы, описывает характерный эпизод, произошедший с ним в Астрабаде, городе у юго-восточного побережья Каспия:

«Время на покой; но только что разнежился я у себя на постели, как вошел секретарь консульства Ж., уже знакомый мне с Ашира¹; там он был бодр, но теперь тоска одиночества видимо подавляла физически мощного юношу.

---

1. Ашур-Аде, остров у юго-восточного побережья Каспийского моря, где была расположена русская военно-морская станция. – А. Л.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

– Читайте, пишите, ну, хоть о Персии, о которой мы ничего не знаем, потому что вы молчите, прописывал я ему рецепт от скуки.

– Мы не пишем потому, что климат усыпляет мозг, отвечал он, в сильном волнении шагая по комнате и еле сдерживая слезы, – не пишем еще и потому, что ко всему уже пригляделись и ничего вокруг себя не замечаем... Скука ужасная! Единственное развлечение – прогулка верхом... Я и консул – и более ни одного европейца, даже армянской души здесь нет?!

– А английский агент?

– И тот перс. Минуты считаю, скоро ли придет срок отпуска, которым мы пользуемся через каждые пять лет, и если бы только не Астрабадская станция и Баку, где по временам отвожу душу, – не жил бы я здесь ни за миллион!..

– А в Тегеране?

– Несравненно лучше; там – послы с России, Великобритании, Франции и Турции; в Тавризе тоже хорошо: в нем проживают консулы этих держав, наконец в Реште...

– Перейдите туда.

Ж. махнул рукою, и, как *милости*, упросил меня в этот неудобный час отправиться к нему» [Огородников 1878, с. 284–285].

Как видим, страдания юного секретаря консульства вполне подпадают под те определения скуки, что мы находим у Канта и Даля: «деятельное безделье», либо же «тягостное чувство, от косного, праздного, недейтельного состояния души; томление бездействия». Именно от этого состояния изнывал молодой человек в иранском Астрабаде, будучи, с одной стороны, лишен возможности покинуть это место (в силу службы), с другой – лишен общения с другими европейцами. Что характерно, предложенный Огородниковым способ избавления от изнуряющего безделья, а именно – чтение и составление очерков о стране пребывания – был отвергнут. Притом что это именно тот способ борьбы со скукой через деятельность, что был рекомендован Иммануилом Кантом. Как видим, спектр возможных вариантов улучшения своей ситуации, как он виделся молодому секретарю консульства, оказался редуцирован до желания общения с другими европейцами. Впрочем, это лишний раз показывает значимость потребности в общении в нашей повседневности и то, как болезненно человек может переживать невозможность ее удовлетворить.

Очень образное описание этого переживания скуки как невозможности общаться с людьми той же культуры находим у Н.Ф. Масальского, русского артиллериста, посетившего Иран в конце 1830-х годов. Хотя сам он и не был дипломатом, очевидно, что чувства, переживаемые им, были аналогичны тем, что испытывали и все прочие россияне, вынужденные долго жить в Иране. Стиль писем офицера очень образный и поэтичный, что дополнительно усиливает впечатление от его переживаний. В начале 1840 г. шах

выехал в Исфахан, члены русской миссии отправились вслед за ним. Масальский начинает очередное письмо следующими словами:

«Я осиротел! – Вся наша миссия уехала в Испагань, я остался один!.. Слово “один” я говорю не в значении сидеть у себя в комнате одному *под* замком, не видеть никого, и никому себя не показывать; – нет, в таком уединении своя прелесть, свое утешение; отрадна мысль, что от тебя зависит распахнуть двери кабинета, и вот ты в обществе своих, или в кругу чужих; – чувства твои дробятся, мысли дробятся вместе с чувствами, и часы жизни сеются, как через сито, отделяясь от скуки.

Не то бывает на чужбине, как Персия, здесь уединение убийственно, – оно есть тяжкая неволя; – ты одинок среди людей, потому, что их чувства, их мысли чужды для тебя; чувствуешь, что тебя никто не понимает, тебе как будто становится тяжело дышать чужим воздухом! Тебе тесно, ты ищешь простору, бежишь в степь – и только там вздохнешь свободно в безграничной степи, под безграничным небом!.. Там ты найдешь себя!.. Теперь можно понять, что я хотел выразить словом “один”. В нем целая поэма человеческого сердца» [Масальский 1844, с. 300–301]. И вот от одиночества и скуки именно такого рода, «которая несносна, и не отвязчива, как сварливая старуха» [Масальский 1844, с. 206], было сложно избавиться европейцам в Иране. У Масальского это чувство выражено весьма отчетливо, он неоднократно упоминает о том, что скука, от которой он временами страдал в Иране, вызвана именно вынужденной оторванностью от родины, причем, что характерно, в интерпретации офицера последняя – это не только Россия сама по себе, но в целом – Европа, европейская цивилизация.

Очевидным следствием нехватки общения с людьми той же культуры было повышенное внимание европейцев друг к другу и стремление сблизиться безотносительно тех разногласий и трений, что существовали между конкурирующими державами, в первую очередь с Россией и Британией. Отсутствие европейского общества в отдаленных районах Ирана переживалось крайне тяжело и подталкивало русских и англичан к сближению, общению и совместному времяпрепровождению. Встретить даже не соотечественника, но человека, разделявшего схожие ценности и религиозные взгляды, говорящего на одном из европейских языков, близкого по бытовой культуре и привычкам, было большой удачей. В ситуациях подобных встреч разного рода межгосударственные политические проблемы отходили на второй план. Общение с человеком «своей» культуры давало возможность скрасить монотонные дни в «чужой» стране.

Дипломат Д. Беляев, проехавший в 1906 г. по южному Ирану, по маршруту от Кермана до нового места службы в Бендер-Аббасе, встретился в дороге с британским вице-консулом, лейтенантом Огилви. Они нанесли друг другу визиты, причем англичанин, «очень симпатичный еще молодой

человек», жаловался на «снедающую его скуку, отсутствие англо-индийских подданных, неимение дела» и очень сожалел, что Беляев скоро уедет и ему снова придется остаться одному [Беляев 1909, с. 261]. Лейтенант рассказал Беляеву о перипетиях своей жизни в Персии, сообщив, что «после службы в Кветте теперешнее одиночество ему кажется тяжелым, он просит у своего непосредственного начальника – Керманского консула – разрешить ему приехать хоть на время в Керман, где есть небольшая английская колония. Бам – единственный персидский город, посещенный лейтенантом Огилви». Когда же Беляев сообщил, что это «один из лучших городов юго-восточной Персии, тот пришел в отчаяние, так как предполагал, что хуже Бама ничего не может быть и что всякое дальнейшее передвижение по службе даст ему возможность попасть в лучший город» [Беляев 1909, с. 262]. Как видим, от одиночества и отсутствия европейского общества молодые люди страдали в равной мере – и русские, и англичане.

Конечно, томившиеся от скуки иранской жизни XIX в. дипломатические чиновники так или иначе искали способы с ней бороться. Где-то местные обстоятельства были более благоприятны для этого: например, в столице страны – Тегеране – и в других крупных центрах, таких как Табриз или Бушир. В этих городах существовала значительная европейская колония, а это автоматически означало наличие светского общества и ряда типичных развлечений (пусть даже и носящих отчасти ритуализированный, церемониальный характер, как, скажем, балы, приемы и т.п.). Российский дипломат С.В. Чиркин описывает свое пребывание в шахской столице в следующих словах: «Жизнь в Тегеране, особенно для дипломатической молодежи, была очень приятной, при постоянных приглашениях всюду – в миссии, у русских и иностранцев на обеды, вечера и пикники. Канцелярской работы было много, но оставалось достаточно времени для любителей развлечений вне дома» [Чиркин 2006, с. 64]. На период летней жары русская миссия перебиралась в Зергендэ – деревню неподалеку от Тегерана, находившуюся под российской юрисдикцией. Прочие европейские миссии также съезжались в окрестные деревни, «так что общественная жизнь с пикниками, *gardenparties*, завтраками и обедами не прекращалась и была как бы продолжением тегеранской, но в более приятной, здоровой обстановке» [Чиркин 2006, с. 70]. Однако, как мы уже имели возможность убедиться, во многих других местах служба дипломатических чиновников разительно отличалась от вышеприведенного описания. Там попросту не было в достаточном количестве европейцев, чтобы иметь возможность наладить совместный занимательный досуг. В таких местах арсенал доступных способов развлечь себя и избавиться от скуки был гораздо более скудным и однообразным. Вот как описал этот контраст Н.Ф. Масальский, посетивший Табриз еще в конце 1830-х годов: «Скучна здешняя жизнь для нас, но все веселее чем во всяком другом городе Персии;

здесь бывает более европейцев, здесь как-то более жизни, этой торговой жизни, которая так шумна, так деятельна; наконец, сюда скорее доходят вести из Европы – из родины, а эти вести, так отрадны в далеке!» [Масальский 1844, с. 40].

Что же до небольших отдаленных городков, расположенных в пустынной местности вдали от крупных очагов цивилизации, где-нибудь в Хорасане или Систане, то в них европейцам, число которых могло составлять всего несколько человек, было особенно сложно бороться с мучительной скукой и одиночеством. В таких местах было совершенно нечем заняться, а непривычный изнуряющий климат, как было показано выше, лишал последних сил и мотивации. Неудивительно, что в таких местах чиновники зачастую убивали время за выпивкой и картами – теми немногими возможностями времяпрепровождения, что еще оставались.

Порой стремление развлечь себя и избавиться от мучительной скуки и ничегонеделанья удивительным образом сочеталось с геополитической борьбой держав и политической конкуренцией. Не стоит забывать, что консульские учреждения в захолустных районах Ирана в период Большой Игры создавались Россией и Британией прежде всего по политическим мотивам, для поддержания собственного престижа и расширения возможностей конкуренции с соперником. Скука, выпивка и вынужденное сосуществование на одной территории с представителями геополитического противника создавали питательную почву для появления самых странных форм взаимодействия между русскими и британцами, особенно тогда, когда им не удавалось выстроить хороших личных отношений.

Так, не сложились отношения между консулом Миллером, ярким представителем русского империализма в Иране, и его британским коллегой Бенном. Из донесений последнего видно, что Миллер считал возможным многое позволять себе, пренебрегая даже правилами приличий. В частности, на одном обеде в январе 1902 г. Миллер злоупотребил алкоголем, вел себя буйно и вспоминал «неделикатные инциденты, произошедшие с ним в Кермане». В мае он пришел пьяным на вечеринку, устроенную Бенном в честь дня рождения короля. После обеда он «грубо настаивал на том, чтобы прервать беседу и, наконец, заснул прямо в кресле». Бенн трактовал поведение Миллера как оскорбление правительства Его Величества и требовал обратить на это внимание посланника в Тегеране, чтобы впредь подобное не повторялось. С тех пор Бенн не собирался ни приглашать Миллера, ни сам пользоваться его гостеприимством [Kazemzadeh 1968, p. 420].

Даже сами формы конкуренции между представителями держав приобретали весьма своеобразный, если не сказать курьезный, характер. Британский консул организовал еженедельные тренировки индийского эскорта, весьма зрелищные и притягивавшие внимание местного населения. Миллер

выступил с альтернативой. По сообщению Бенна, «мистер Миллер... приготовил свою приманку в виде местного оркестра с ручной обезьянкой и другое. Толпа детей и подростков из форта заняла место в нескольких ярдах позади моей палатки, которая на подобных мероприятиях исполняет роль “большой эстрады”, и начали в высшей степени бестолковую программу. Люди, в которых узнали русских служащих, были посланы обходить наших зрителей и привлекать внимание к представлению конкурентов, но безрезультатно» [цит. по: Kazemzadeh 1968, р. 419]. Создается ощущение, что появление подобных весьма своеобразных форм соперничества не в последнюю очередь было вызвано скукой как фактором жизни европейцев в Иране, особенно в отдаленных и глухих его уголках.

Профессор Ф. Казем-Заде, комментируя вышеприведенные эпизоды, писал: «Читая эти печальные доклады, можно представить себе напряженность внутри европейского сообщества, состоящего из полудюжины людей, заброшенных, с опорой исключительно на собственные совершенно недостаточные душевные силы, в маленький, жаркий, изолированный городок на краю великой пустыни, полный скуки и сплетен, кипящий интригами, злобой и ненавистью. Возможно, неким гротескным образом европейское сообщество Носратабада символизирует огромный мир империалистической политики, отражением которого оно являлось» [Kazemzadeh 1968, р. 420]. К этой оценке стоит добавить только одну, но весьма существенную ремарку: атмосфера общения и способы взаимодействия между европейцами в местах такого рода напрямую зависели от характера личных отношений, сложившихся между ними.

* * *

Важно отметить, что описанные выше особенности пребывания российских чиновников в Иране, их жизни в удаленной от Европы и европейского общества стране, принимались во внимание руководством в Петербурге, влияли на подходы к кадровой политике, назначениям и проч. Интересные материалы, содержащие сведения о соображениях Певческого моста при подборе людей для дипломатических назначений в те или иные города Ирана, прежде всего – в консульские учреждения, содержатся в личной переписке главы Азиатского департамента МИДа, впоследствии товарища министра иностранных дел, Льва Григорьевича Сенявина с посланником в Тегеране кн. Д.И. Долгоруким, охватывающей период с 1845 по 1854 г. Надо полагать, что многие из соображений, нашедших отражение в этом источнике середины XIX в., сохраняли актуальность и в последующие десятилетия.

Так, мы видим, что на службу в те города Ирана, где очевидно практически не было европейского общества и светской жизни, старались назначать

людей холостых. В частности, в ответ на вопрос посланника об истинности слухов о назначении некоего чиновника в Астрабад, глава Азиатского департамента писал: «Отвечаю на это коротко и ясно: неправда. От роду никто об этом не думал и не помышлял. И с какой стати семейного человека посылать в Астрабад?» [Письма Л.Г. Сенявина 1916, с. 49]. Как было показано выше, даже десятилетия спустя российские представители в Астрабаде изнывали от отсутствия европейского общества, непривычного климата и крайней ограниченности форм возможного досуга. В этом смысле руководство внешнеполитического ведомства с пониманием относилось к гуманитарной составляющей службы, как минимум стремясь по возможности избавить семейных коллег от необходимости везти в отдаленные уголки Ирана семью, либо страдать от разлуки с родными.

Впрочем, в соображениях МИДа присутствовал и вполне очевидный прагматический резон: семейным дипломатам требовалась дополнительная инфраструктура, обеспечить которую министерству было неудобно, накладно и затруднительно. Семье дипломата необходимо было предоставить жилье, детям требовалось дать возможность получать образование и т.д. Вот что писал об этом сам Сенявин: «Дипломат Рей задумал здесь жениться; следовательно, он для Персии уже более не годится; ибо если все секретари будут жениться, то для миссии не будет помещения» [Письма Л.Г. Сенявина 1916, с. 51].

Вообще из источников хорошо видно, что служба в Иране воспринималась российскими дипломатами как необходимая, но тягостная и скучная, своего рода *malum necessarium* имперской внешней политики. Потому и к разного рода издержкам, вызванным утомлением дипломатов от жизни в Иране, относились сочувственно. Получив известие о благополучном прибытии нового российского посланника, кн. Долгорукого, в Тегеран, к месту его предстоящей службы, глава Азиатского департамента желал тому, «чтобы пребывание в Тегеране не было слишком тягостно и скучно» [Письма Л.Г. Сенявина 1916, с. 54]. И как мы имели возможность убедиться, в данном случае это не было просто фигурой речи или формой вежливости.

То, что скука пребывания в захолустных уголках Ирана была существенным фактором, влиявшим на подбор кадров, можно увидеть из следующего характерного эпизода. Когда в 1846 г. было решено учредить консульство в Астрабаде и, соответственно, встал вопрос о выборе кандидатуры на должность консула, Сенявин признавался Долгорукому, что «это – вещь трудная». Характерно, что когда, наконец, подходящая кандидатура была определена (на пост консула был выбран надворный советник С.И. Черняев) и встал вопрос о поиске человека на должность секретаря консульства, Сенявин указывал Долгорукому: «Желательно, чтобы при сем выборе имелось в виду приготовить секретаря для замещения впоследствии должности консула

в Астрабаде; ибо грешно одного и того же человека оставлять долго в этом глупом и скучном месте» [Письма Л.Г. Сеньявина 1916, с. 61]. Как видим, МИД стремился принимать во внимание особенности службы в Иране, заранее заботясь о том, чтобы обеспечить кадровую преемственность и возможность перевести чиновника из глухого места, если в том возникнет нужда.

Нужда возникала довольно часто. Российские представители в Иране регулярно писали в Петербург обращения с просьбой перевести их в другое место службы, либо, как минимум, предоставить отпуск. Так, уже с конца 1845 г. постоянным мотивом переписки Сеньявина с Долгоруким становятся настоятельные просьбы секретаря миссии Озерова о предоставлении тому отпуска. Чиновник был на хорошем счету в ведомстве, отмечен наградой по представлению посланника, который также ходатайствовал о предоставлении ему отпуска в России, однако дело затягивалось. Уже в августе 1846 г., почти год спустя, Сеньявин писал своему корреспонденту: «Об отпуске Озерова решительного еще ничего не последовало. Отказать совестно, а *теперь же* отпустить – значило бы лишить Вас секретарей. Нельзя ли ему несколько времени еще пообождать, пока мы пополним Вашу миссию новыми членами. Месяца два или три разницы для него, вероятно, не сделают». Глава МИДа, граф К.В. Нессельроде, тогда же предварительно согласился, чтобы Озерова отправили курьером в Петербург, однако пожелал, чтобы тот дождался назначения младшего секретаря, «ведь это составит каких-нибудь 3 или 4 месяца разницы для Озерова» [Письма Л.Г. Сеньявина 1916, с. 75].

Однако несчастный секретарь, по-видимому, более не мог выносить пребывания в Персии, лишние месяцы службы давались ему тяжело. Во всяком случае, в ноябре Сеньявину пришлось писать Долгорукому: «Озерова, сделайте одолжение, успокойте. Я сплю и во сне думаю, как устроить его отпуск...» [Письма Л.Г. Сеньявина 1916, с. 80]. Сеньявин предложил временно направить в Тегеран (очевидно, на замену Озерову) некоего чиновника Щербинина. По мысли Сеньявина, как только Щербинин прибудет в Тегеран, Озеров сможет выехать в Россию. Наконец, в декабре Долгорукому было предоставлено на усмотрение отправить Озерова в Петербург, когда тот признает это возможным [Письма Л.Г. Сеньявина 1916, с. 82]. По всей видимости, посланник немедленно дал пострадавшему чиновнику выехать в Россию, поскольку уже накануне нового 1847 г. тот прибыл в Петербург. Явившись пред очи начальника, Озеров «объявил категорически и самым положительным образом, что он, как говорят в простонародьи, ни за какие пряники в Персию более не поедет» [Письма Л.Г. Сеньявина 1916, с. 84–85]. Характерно, что Сеньявину пришлось принять позицию Озерова во внимание, несмотря даже на то, что это порождало сложности и неудобства для миссии в Тегеране, поскольку посланник оставался без секретарей. При этом главе Азиатского департамента МИДа оставалось лишь высказать Долгорукому свои сожаления о том, что

Озеров не раскрыл своих намерений загодя, поскольку тогда можно было бы заранее назначить его преемника, теперь же нужно было ждать несколько месяцев [Письма Л.Г. Сеньявина 1916, с. 85]. Сеньявин писал Долгорукому о том, что Озерову планировали дать назначение на должность секретаря миссии в Стокгольме, о чем сам руководитель Азиатского департамента писал следующим образом: «Не из огня в полымя, а из огня в прорубь». Однако в итоге Озеров женился, а затем был назначен вице-директором Департамента хозяйственных и счетных дел. История с Озеровым выявляет два характерных момента. Во-первых, по ней хорошо видно, какой утомительной служба в Иране была для некоторых чиновников, как они стремились возможно скорее уехать из страны. Во-вторых, она явственно демонстрирует, что не только глава миссии в Тегеране, но и руководство в Петербурге вполне понимали чувства чиновников, принимали их в расчет в своих кадровых решениях и не опирались исключительно на административный ресурс и собственные властные полномочия.

Показательна риторика, использовавшаяся при обсуждении пребывания дипломатов в Иране чинами МИДа. Когда в апреле 1847 г. уже сам кн. Долгорукий подал прошение об отставке, глава Азиатского департамента, не давший ходу бумаге, писал посланнику следующее: «Я очень понимаю, что Персия далеко не рай земной, и что иметь дело с персиянами не только скучно, но даже несносно» [Письма Л.Г. Сеньявина 1916, с. 95]. Однако же Сеньявин убеждал князя не принимать близко к сердцу сложности и тревожения службы в Иране. Два года спустя, в марте 1849 г., князь направил в Петербург, наряду с депешами о своих дипломатических успехах, новое прошение о возвращении в Россию. И снова его обращение было признано не вполне своевременным. Интересно при этом, что Сеньявин упомянул, имея в виду гр. Нессельроде, что тот «очень понимает тягость тегеранской жизни и само собой разумеется не будет требовать, чтобы Долгорукий оставался в Иране “через силу”». Министр иностранных дел не откажется «выручить» оттуда посланника. Однако сам Сеньявин полагал, что время еще не пришло, а потому «нынешний годик еще помучиться надобно в Тегеране» [Письма Л.Г. Сеньявина 1916, с. 115]. Однако лишь весной 1854 г. Сеньявин написал Долгорукому, что представилась возможность исполнить его давнее желание и выручить князя «из персидского парадиза». По ходатайству Нессельроде, Николай I наградил Долгорукого «за долготерпение», пожаловав в тайные советники. Сеньявин поздравлял князя как с новым знаком благоволения монарха, так и с «освобождением» из «несносного иранского края». Долгорукого сделали сенатором в Москве. Расписав произведенные в связи со сменой посланника в Тегеране кадровые перестановки, Сеньявин резюмирует: «Вот какие мудрые мы сделали распоряжения, чтобы Вас поскорее выручить из Персии» [Письма Л.Г. Сеньявина 1916, с. 125]. Как видится, приведенные речевые обороты

и общая стилистика сообщений не требуют дополнительных комментариев и создают вполне однозначное впечатление о том, как служба в Иране воспринималась в Санкт-Петербурге.

Министерству приходилось считаться с тем, что многие дипломаты не хотели служить в Иране, всячески избегали этого места назначения, которое воспринималось как унылое и безрадостное. Одним из следствий этого был кадровый голод в отношении консульских работников. Когда накануне Первой мировой войны отношения между Россией и Британией вновь обострились в связи с персидским вопросом [см. об этом: Ларин 2019], а С.Д. Сазонов потребовал от посланника в Тегеране И.Я. Коростовца укрепить служебную дисциплину консулов (поскольку именно самоуправство российских консулов было одним из постоянных мотивов жалоб британской стороны российскому правительству), последний высказался с известным скепсисом в отношении этой идеи. В частности, он заметил, что требование «безусловного нравственного авторитета» от консулов в свою очередь требует «весьма высоких личных качеств от представителей нашей консульской службы, которых в некоторых случаях, к сожалению, на деле не оказывается. Недостаточность лиц, знакомых с условиями Персии и необходимость в виду сего слишком снисходительно смотреть на деятельность некоторых консулов, является главным тормозом для правильного направления консульской деятельности в Персии» [Русская политика в Персии (1910–1917), л. 58]. Таким образом, Петербургу приходилось до известной степени мириться с тем, что консульские обязанности в Иране исполняли люди, быть может далеко не всегда щепетильно выполнявшие распоряжения МИДа и миссии в Тегеране, но зато так или иначе адаптировавшиеся к сложной для европейца жизни в этой восточной стране, поелику «белоручки в Персии не годятся» [Письма Л.Г. Сенявина 1916, с. 85].

Эта адаптация включала в себя, среди прочего, готовность и способность жить в условиях нехватки европейского (в том числе – женского) общества, привычных развлечений, крайней ограниченности форм досуга и всепоглощающей скуки. Порой вышестоящему руководству приходилось мириться с разного рода эксцессами в поведении консульских работников, когда те выходили за рамки принятых норм. Так, вышеупомянутому астрабадскому консулу Черняеву спустя год после назначения пришлось делать неофициальное внушение через его брата «по поводу сечений и битий, а также на счет стиля его корреспонденции» [Письма Л.Г. Сенявина 1916, с. 95]. Сенявин полагал, что на первый раз братского увещевания будет достаточно. Не вполне ясно, что за «сечения и бития» здесь имеются в виду, однако судя по другим источникам, речь вполне может идти о разного рода неконвенциональных формах взаимодействия с местным населением. Видимо, увещевания брата, если таковые состоялись, не имели большого эффекта, поскольку уже в декабре

1851 г. Сенявин писал Долгорукому о том, что прибывший в Петербург иранский курьер передавал в министерство жалобы тегеранского правительства как на самого посланника, так и на всех консулов, «за настойчивость и неприличное обхождение с персидскими властями, приводя в пример, что Ивановский назвал кого-то публично... (В публикации стоит примечание следующего содержания: “Слово не разобрано”. – *А. Л.*), а Черняев (который, кстати, также уже с лета 1849 г. просил отпустить его домой в Россию. – *А. Л.*) разбил какой-то кальян». Возможно, в этих сообщениях мы видим отголоски каких-то занимательных событий повседневной жизни русских консулов, более обстоятельные сведения о которых до нас, к сожалению, не дошли. Вполне очевидно, что на многие малозначительные проступки консульских работников министерство предпочитало закрывать глаза, осознавая в полной мере, что вдали от столицы, от светского общества, привычной жизни многим чиновникам ведомства весьма сложно себя развлечь, почему порой утомление и уныние от однообразных дней приводили к недоразумениям.

В свое время Блез Паскаль записал: «Нет ничего столь невыносимого для человека, как пребывать в полном покое, без страстей, без дел, без развлечений, без занятий. Он ощущает тогда свое ничтожество, свою покинутость, свою недостаточность, свою зависимость, свое бессилие, свою пустоту. И немедля из глубины своей души он извлекает тоску, мрак, грусть, печаль, досаду, отчаяние» [Паскаль 1995, с. 260]. Эта сентенция, ярко демонстрирующая деструктивное влияние скуки на душевное состояние и личность человека, кажется очень подходящей для характеристики той ситуации, в которой обнаруживали себя многие российские чиновники, служившие в Иране.

Оторванность от привычной среды, заброшенность в инокультурное окружение, отсутствие привычных развлечений и способов организации досуга, вынужденное безделье – всё это составляло тот горький коктейль, что отравлял существование имперских чиновников, находившихся на дипломатической службе в государстве Каджаров. Как можно было убедиться, нехватка общения, европейского общества составляли основную проблему, особенно остро стоявшую перед теми, кто по службе оказался в отдаленных от столицы и других относительно крупных центрах районах. Тягостные условия службы, с одной стороны, создавали предпосылки для сближения на личном уровне между европейцами, принадлежавшими к разным нациям (в том числе – конкурирующим, как русские и британцы), с другой – могли порождать отторжение между ними, если по каким-то причинам личные отношения не сложились, а мотив геополитической конкуренции держав оказывался слишком силен.

Наконец, нельзя не отметить и тот немаловажный момент, что уныние, тягостность и скука дипломатической службы в Иране в полной мере осознавались в Санкт-Петербурге. Российское внешнеполитическое ведомство отдавало отчет в непривлекательности назначений в Иран для многих чиновников МИДа, учитывало перечисленные выше особенности пребывания в Иране в своей кадровой политике, принимало во внимание гуманитарные соображения во взаимодействии со своими сотрудниками.

Библиография

- Аригунова Е.В. Потенциал феномена скуки // Вестник Томск. гос. ун-та. 2013. № 368. С. 34–36.
- Аригунова Е.В. Скука и время // Вестник Томск. гос. ун-та. 2010. № 340. С. 45–47.
- Бабаева А.В. Аксиология скуки // Известия СПбГЭТУ ЛЭТИ. 2010. № 4. С. 69–73.
- Беляев Д. Отчет о поездке из Кермана в Бендер-Аббас через Гоук, Бам, Джируфт и Тенг-и-Нивергу в июне и июле 1906 г. состоящего в ведомстве Императорского Министерства Иностранных Дел Дмитрия Беляева 3-го // Материалы по изучению Востока. Вып. 1. СПб., 1909. С. 197–297.
- Королькова А.А. Историко-философский анализ скуки // Logos et Praxis. 2017. Т. 16. № 4. С. 6–14.
- Курочкин О.Е. Скука. Постановка психологической проблемы // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского. 2008. № 11. С. 177–181.
- Ларин А.Б. «Россия ничего вмешательства в свои отношения к Персии не потерпит»: русская политика в Иране накануне и в начальный период Первой мировой войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 11 (85). URL: <https://history.jes.su/s207987840008087-4-1/> (дата обращения: 18.01.2020).
- Леденёва В.В., Цзян Юань. О стилистическом потенциале слова скука // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации. Сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора К.А. Войловой. Отв. ред. О.В. Шаталова. М., 2018. С. 175–182.
- [Масальский Н.Ф.] Письма русского из Персии. Часть 1. СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1844. 2 т. Ч. 1. 317 с.
- Маханова Г.Е. Образно-языковая составляющая микрополя «психическое состояние» концепта «скука» // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 1 (10). С. 49–54.
- Маханова Г.Е. Экзистенциальная составляющая концепта «скука» // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 3 (29). С. 153–155.
- Маханова Г.Е. Ядерное содержание одного из микрополей концепта «скука» // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 2 (38). С. 156–167.
- Огородников П. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. СПб.: тип. М.И. Попова, 1878. 331 с.
- Паскаль Б. Мысли. СПб.: Северо-Запад, 1995. 572 с.
- Письма Л.Г. Сенявина к посланнику в Тегеране кн. Д.И. Долгорукому // Русский архив. Год 54. Книга 1. М., 1916. С. 47–128.
- Позняк Т.З. Развезать скуку провинциальной жизни: общественный досуг в городах дальневосточной окраины в 1850–1870 гг. // Россия и АТР. 2015. № 1 (87). С. 81–93.

Рохина Е.В., Посохова С.Т. Переживание скуки как личностное искажение временной перспективы // Перспектива человека: будущее как универсалия. Сборник статей научно-теоретической конференции. Науч. ред. и сост. С.Т. Посохова, А.И. Извеков. СПб., 2017. С. 79–98.

Русская политика в Персии (1910–1917). Архив внешней политики Российской империи. Ф. 144. Персидский стол. Оп. 489. Д. 592 б.

Свендсен Л. Философия скуки. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 256 с.

Седанкина Т.Е. Феномен экзистенциальной скуки: философско-культурологический аспект // Вестн. Каз. гос. ун-та культуры и искусств. 2015. № 4–2. С. 44–47.

Сороченко Е.Н. Концепт «скука» и его лингвистическое представление в текстах романов И.А. Гончарова. Дис. на соиск. учен. степ. канд. филологических наук. Ставрополь, 2003.

Сунцова А.О. Феномен скуки на рабочем месте // Социальный мир человека. Материалы VII Международной научно-практической конференции «Человек и мир: мирозидание, конфликт и медиация». Сер. «Язык социального» Под редакцией Н.И. Леонова. 2018. С. 223–224.

Чеснокова Л.В. Приватность, скука и гендерные отношения в эпоху Модерна // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2019. Т. 14. № 2 (188). С. 164–176.

Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата. М., 2006. 376 с.

Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864–1914: A Study in Imperialism. New Haven and London, Yale University Press, 1968. 711 p.

References

Arigunova Ye.V. Potentsial fenomena skuki [Potential of boredom phenomenon]. Tomsk State University Journal of History. 2013. No 368. P. 34–36. (In Russ.)

Arigunova Ye.V. Skuka i vremya [Boredom and time]. Tomsk State University Journal of History. 2010. No 340. P. 45–47. (In Russ.)

Babaeva A.V. Aksiologiya skuki [Axiology of boredom]. Izvestiya SPbGETU «LETI». 2010. No 4. P. 69–73. (In Russ.)

Belyaev D. Otchet o poezdke iz Kermana v Bender-Abbas cherez Gouk, Bam, Dzhiruft i Teng-i-Nivergu v iyune i iyule 1906 goda sostoyashchego v vedomstve Imperatorskogo ministerstva inostrannykh del Dimitriya Belyaeva 3-go [Account of a journey from Kerman to Bandar-e ‘Abbās through Gowk, Bam, Jiroft and Tang-e Nevarg in June and July of 1906 by Dmitrii Belyaev III, assigned to the Imperial Ministry of Foreign Affairs]. Materialy po izucheniyu Vostoka. Iss. 1. Saint Petersburg, 1909. P. 197–297. (In Russ.)

Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864–1914. A Study in Imperialism. New Haven and London, Yale University Press, 1968. 711 p.

Korol'kova A.A. Istoriko-filosofskii analiz skuki [Analysis of boredom in the context of the history of philosophy]. Logos et Praxis. 2017. Vol. 16. No 4. P. 6–14. (In Russ.)

Kurochkin O.E. Skuka. Postanovka psikhologicheskoi problemy [Boredom. Setting a psychological problem]. Bulletin of Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky. 2008. No 11. P. 177–181. (In Russ.)

Larin A.B. «Rossiya nich'ego vmeshatel'stva v svoi otnosheniya k Persii ne poterpit»: russkaya politika v Irane nakanune i v nachal'nyi period Pervoi mirovoi voyny [«Russia will not tolerate anyone's interference in its relations with Persia»: Russian policy in Iran on the eve and during the initial period of the First World War]. The Journal of Education and Science «ISTORIYA» («History»). 2019. V. 10. Iss. 11 (85). [Elektronnyi resurs]. Dostup dlya zaregistrirovannykh pol'zovatelei. URL: <https://history.jes.su/s207987840008087-4-1/> (date of access: 18.01.2020). (In Russ.)

Ledeneva V.V., Jiang Yuan. O stilisticheskom potentsiale slova skuka [About the stylistic potential of the word boredom]. Russian language in the Slavic intercultural communication. Moscow, 2018. P. 175–182. (In Russ.)

[Masal'skii N.F.] Pis'ma russkogo iz Persii [Letters of a Russian from Persia]. Part 1. Saint Petersburg: Publishing house of Separate corps of the internal guard, 1844. 2 vol. Ch. 1. 317 p. (In Russ.)

Makhanova G.E. Obrazno-yazykovaya sostavlyayushchaya mikropolya «psikhicheskoe sostoyanie» kontsepta «skuka» [Figurative and language components of the microfield «mental state» of the concept of «boredom»]. Baltic Humanitarian Journal. 2015. No 1 (10). P. 49–54. (In Russ.)

Makhanova G.E. Ekzistentsial'naya sostavlyayushchaya kontsepta «skuka» [Existential component of the concept «boredom»]. The Bryansk State University Herald. 2016. No 3 (29). P. 153–155. (In Russ.)

Makhanova G.E. Yadernoe sodержanie odnogo iz mikropolei kontsepta «skuka» [Nuclear content of one of microfields of the concept of «boredom»]. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki. 2016. No 2 (38). P. 156–167. (In Russ.)

Ogorodnikov P. Na puti v Persiyu i prikaspiiskie provintsii ee [On the way to Persia and its Caspian provinces]. Saint Petersburg, 1878. (In Russ.)

Paskal' B. Mysli [Thoughts]. Saint Petersburg: Severo-Zapad, 1995. 572 p. (In Russ.)

Pis'ma L.G. Senyavina k poslanniku v Tegerane kn. D.I. Dolgorukomu [Letters from L.G. Senyavin to the Minister Plenipotentiary in Tehran Prince D.I. Dolgoruki]. Russian Archive. Year 54. Book 1. Moscow, 1916. P. 47–128.

Poznyak T.Z. Razveyat' skuku provintsial'noi zhizni: obshchestvennyi dosug v gorodakh dal'nevostochnoi okrainy v 1850–1870 gg. [To chase away the boredom of provincial life: public leisure activities in the Russian Far-East's outskirts in 1850–1870]. Rossiya i ATR. 2015. No 1 (87). P. 81–93. (In Russ.)

Rokhina E.V., Posokhova S.T. Perezhivanie skuki kak lichnostnoe iskazhenie vremennoi perspektivy [Experiencing boredom as a personal distortion of time perspective]. The Human Perspective: The Future as a Universal. Saint Petersburg, 2017. P. 79–98. (In Russ.)

Russkaya politika v Persii (1910–1917) [Russian policy in Persia (1910–1917)]. Archive of the Foreign Policy of Russian Empire. F. 144. Inv. 489. F. 592 b. (In Russ.)

Sedankina T.E. Fenomen ekzistentsial'noi skuki: filosofsko-kul'turologicheskii aspekt [The phenomenon of existential boredom: the philosophical and theological aspects]. Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts. 2015. No 4–2. P. 44–47. (In Russ.)

Sorochenko E.N. Kontsept «skuka» i ego lingvisticheskoe predstavlenie v tekstakh romanov I.A. Goncharova. Diss. na soisk. uch. step. kand. filologicheskikh nauk [The concept of «boredom» and its linguistic representation in the texts of I.A. Goncharov's novels. PhD Thesis]. Stavropol', 2003. (In Russ.)

Suntsova A.O. Fenomen skuki na rabochem meste [The phenomenon of boredom in the workplace]. The social world of a man. Materials of the VII International research and practice conference «Man and the World: action for peace, conflict and mediation». April 5–7, 2018. Izhevsk. 2018. P. 223–224. (In Russ.)

Svendsen L. Filosofiya skuki [A philosophy of boredom]. Moscow: Progress-Tradicija, 2007. 256 p. (In Russ.)

Tchesnokova L.V. Privatnost', skuka i gendernye otnosheniya v epokhu Moderna [Privacy, boredom and gender relations in the Modern era]. Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Sciences. 2019. Vol. 14. No 2 (188). P. 164–176. (In Russ.)

Chirkin S.V. Dvadsat' let sluzhby na Vostoke: Zapiski tsarskogo diplomata [Twenty years of service in the East: the memoirs of the tsar's diplomat]. Moscow, 2006. 376 p. (In Russ.)